

Россия. — 2003. — 21 мая. С. 11

Наш главный Лундстрем

Менее чем через год прославленному оркестру Олега Лундстрема исполнится 70 лет. Впрочем, для кого-то прославленный, а кто-то вообще не знает, что Олег Леонидович еще жив. Мало того — бодр, энергичен и в движениях, и в мыслях, облеченных в красивую и оригинальную форму, будто на русском языке или на столь же родном китайском.

Однако составило трудов отыскать дом Лундстрема под Королевым. Спасибо, местная почтальонша помогла, остальные даже не догадывались, какой человек живет рядом с ними на пересечении Щепкина и Пшенной.

Всегда как-то тепло и бо-язно оставаться наедине с большим музыкантом. Так вышло и на этот раз: домоуправительница, встретив редакционную машину, заспешила в Москву, я же долго слонялся по пустому дому, никак не находя кабинета маэстро. Однако вот он. Маленький и уютный. Как кукольный. Фонарь: окна во все стороны. Такой же маленький хозяин сидит посреди в полукресле. В привычной домашней одежде. В привычно веселом расположении духа.

— Ну? Кто у кого интервью будет брать?

Он любопытен до каждого нового собеседника, тем более что этот «каждый», как правило, оказывается гораздо моложе его. Лундстрему — 87. Ему хочется говорить о своих родителях, последних новостях со всего света, событиях в Ираке... Что — оркестр? Оркестр, сменив несколько поколений музыкантов, слава богу, играет. Нет, Лундстрем, как ребенок, жаждет до новой информации, с некоторым ожиданием смотрит в твои глаза или на руки, словно пытаясь догадаться, какой подарок принес ему гость.

— Вы хотели рассказать о своем отце. Вам так и не удалось увидеть его по возвращении в Россию?

— Конечно, отец мог бы и не возвращаться в Россию, сделать один только шаг, который назывался «внутренняя Монголия». Но он был патриотом. Его командировали в Китай от Института железнодорожного транспорта, он должен был вернуться и сдать отчет, чем он там занимался. В Маньчжурии он был профессором политехнического института, где читал курс по ядерной физике — это в тридцатые-то годы! И, кроме того, был заведующим физической лабораторией Коммерческого училища

КВЖД, где учились и русские, и китайцы. Тетка Маруся все время твердила: «Хочешь вернуться? Да тебя посадят!» Он отвечал: «Ну не могут же посадить ни за что!» А как раз ни за что и сажали. Мой отец... Он знал помимо русского английский, французский, немецкий, шведский — пять языков! А наука? С тех времен у него остался даже труд (ныне хранящийся в музее в Чите) — «Основы ядерной физики», представляете? Так что, перейдя границу, он поплатился за свою доверчивость. Его тут же взяли. А тогда было так: в основном приговаривали к расстрелу или в крайнем случае давали двадцать пять лет. Ну, отца, конечно, постановили расстрелять. Потому что иностранная фамилия, да еще неизвестно, к каким иностранцам ее отнести. Обычно им попадались всякие еврейско-немецкие «маны» да «берги», а тут — Лундстрем. Швед? Да, у нас шведские корни...

— Что же дальше?

— Так вот, когда после войны я с оркестром приехал в Союз, уже помаленьку стали концерттировать, ко мне в городе Орле подошел совершенно седой человек и спросил: «А вы случайно не сын Леонида Францевича?» Я отвечаю: «Сын». Он мне: «А ваш отец жив?» Я говорю: «Нет, он давно расстрелян». И вдруг он заявляет: «Да не был он расстрелян! Я

сидел вместе с ним на Ивделе, это на севере Урала...» И начал рассказывать мне, каким жизнерадостным был мой отец, как-он всех подбадривал, часто вспоминал поговорку, что «все тайное станет явным», нужно только иметь терпение. Умер он в 1954 году, мы уж с оркестром давно были здесь, но ничего не знали о его судьбе. Говорят, до последнего часа он не терял мужества и здравого смысла.

Он всегда говорил: «Рак — это болезнь нервной системы персонально каждого человека, и главную роль в ее развитии играет самовнушение»

— Почему же его не расстреляли?

— Очень просто. Тогда было так много приговоренных к смерти, что их не успевали хоронить. Поэтому махнули рукой: черт с ними, пусть едут на Урал, там разберутся. Да, отправили на тяжелые принудительные работы. Вот такая история. Знаете поговорку — «Время разбрасывать камни, время их собирать»? На меня эти камни сыплются градом! Недавно выяснилось, что моя соученица, с которой мы в Харбине учились в одном

классе, жива и здравствует, сейчас она в Сан-Франциско. Другие — в Лос-Анджелесе, третьи — в Австралии... Так судьба распорядилась. Они по Интернету нашли меня, хотя наверняка думали, что я давно в могиле.

— Ваше детство и юность выпали на Китай. Для вас существует привязка к месту или мир весь один?

— Место — это второе. Прежде всего привязка должна быть к людям. Это как меня спрашивают: «Олег Леонидович, через вас прошло столько музыкантов, которые сейчас известны по всему миру. Какие из них вам ближе?» Я всегда отвечаю: «Первые и последние». Первые единогласно меня избрали руководителем оркестра, я лишь потом понял почему. Я единственный, кто по слуху аранжировал. А в то время не было даже американской джазовой печатной оркестротехники. У каждого большого музыканта на Западе, вроде Бенни Гудмена, был личный аранжировщик, который делал их стиль. Мы же стиль брали от всех. Но это полдела. Главное — импровизация. Мы-то тем и прославились, что приехали из Харбина в Шанхай оркестром в девять человек и все девять были импровизаторы. Нас расхватавали, предлагая гонорары раз в десять больше, но мы не уходили из оркестра, понимая, что без него каждый

из нас по отдельности — ноль. Только поэтому мы не развалились до сих пор.

— Вы в курсе последних событий в мире?

— На любое событие надо смотреть с человеческой стороны. Я в Шанхае окончил университет «Аврора» вместе со своим другом, ныне всемирно известным онкологом. Таковым он стал потому, что уже много лет на различных симпозиумах в споре «рак — это вирусное или бактериальное заболевание?» всегда говорил: «Ничто, ни другое. Это болезнь нервной системы персонально каждого человека, и главную роль в ее развитии играет самовнушение». Раньше над ним смеялись. Пока он не привел примеры из собственной практики, когда, придерживаясь клятвы Гипократа, отправлял больного домой со словами «вы здоровы». А у того такие метастазы были, что неделю дашь или от силы дней десять. Через два года этот больной являлся как ни в чем не бывало. Вот и делайте выводы. Прежде всего думать надо не о болезнях, а о том, кто мы с вами такие. Вот и приятель мой дает лозунг на третье тысячелетие, что надо чаще встречаться, больше смеяться — и все болезни отойдут сами собой. Что до политики, то ею надо заниматься профессионально, и мне сложно представить, чтобы я ради политики оставил бы музыку. Сам Пушкин признавал, что музыка договаривает то, чего не может досказать поэзия. Пушкин! Да, мне не понравилось, что устроил Буш-младший в Ираке. Его-то отец поумнее будет. Небось отговаривал, да разве его удержит! Вопрос-то ведь не только в экономических выгодах. Вода имеет память, а что ж говорить о людях, в которых генетически заложены неприязнь к американцам, которую не так просто будет вытравить?

— Последнее. Вы удовлетворены своей российской славой?

— Не все знают, что и оркестр такой есть. Слышали про оркестры Рознера, Утесова, Лундстрема, что все они находятся в Росконцерте, гастролировали по стране — каждый по-своему. Больше всего ругали, конечно, нас за американщину. А мы терпели. И оказалось, не зря терпели, потому что нас заметили американцы и признали за нами приоритет в мировом развитии джаза. А у нас... Сказал классик (которого я, кстати, ценю), что «джаз — музыка толстых», так и осталось это в поколениях. Что говорить, если в Государственной думе не знают о нашем оркестре!

Беседовал Ян Смирницкий

Лундстрем Олег
21.05.03.